

ГАЛИНА ВИШНЕВСКАЯ:

Культура. — 2003. — 30 янв. — 5 февр. — с. 10

Мы с Ростроповичем — друзья Людмилы и Руслана

До того, как опера «Руслан и Людмила» М.Глинки войдет в репертуар Большого театра (ее там не слышали 22 года, и в конце сезона это упущение, как известно, ГАБТ собирается исправить), «Руслана» (фрагментарно) поставили в Центре оперного пения Галины Вишневской. Премьера состоялась несколько дней назад. «Гениальное творение Глинки должно исполняться виртуозно, — говорит Галина ВИШНЕВСКАЯ. — Мы решили взяться за эту оперу и даже рискнули показать работу наших студентов публике. За пять месяцев со времени открытия школы они сделали успехи. Мы стремимся обучать технике пения. Когда певец владеет ею, его аппарат работает, и он может сделать все. Если певческий аппарат закрыт, а голос красивый, это просто несчастье».

— Почему вы выбрали именно «Руслана и Людмилу»?

— Из-за множества прекрасных арий, которые дают возможность раскрыть дарование артистов. Захотелось услышать русских певцов, поющих по-русски. В России так много прекрасных голосов. Сильные, насыщенные, с красивыми тембрами. Но, куда сегодня ни придишь, все поют то по-итальянски, то по-французски. Певцы механически заучивают текст и забалтывают его на сцене. Пропадает выразительность слова...

Цели сделать полный, настоящий спектакль мы пока не ставили. Мизансцены только намечены, обходится без декораций. А вот костюмы есть и, по-моему, просто замечательные. Хотели взять их напрокат, но оказалось, что это те же деньги, которые потребовались бы на то, чтобы сшить самим. Ну и решили сшить.

— Довольны учениками?

— Вполне. Людмилу поют три студентки — Оксана Лесничая, москвичка, Елена Фурносова из Владимира и Анна Девяткина из Волгограда. Два Руслана — москвичи Владимир Байков и Роман Астахов. Занимаются с ними все наши педагоги по вокалу — Ирина Масленникова, Бадри Майсурадзе, Алла Белоусова, Галина Лебедева и Петр Глубокий. Разумеется, с певцами работает и maestro Владимир Понькин. Без дирижера, как известно, певца не будет.

— Каков учебный день студентов?

— Они занимаются по четыре часа. Когда идут репетиции — вдвое больше. Помимо вокала, у них еще пластика, танцы, языки — итальянский, французский, английский и немецкий. Я пытаюсь убедить их в том, что певец должен быть всесторонне образован, читать книги, ходить на спектакли, концерты... У нас уже выступал Борис Александрович Покровский, рассказывал об опере, о театре. Будем приглашать знаменитых певцов давать мастер-классы. Правда, у школы нет таких громадных денег, какие платят на Западе. За сто рублей сюда никто не поедет. Роль могут сыграть только личные отношения. Но поживем — увидим.

— Даете сейчас мастер-классы за рубежом?

— Нет. Слишком большая нагрузка в Москве.

— Сами тоже преподаете?

— А как же? Каждый день — по пять часов. Преподаю просто, меня понимают с полуслова... Я даже здесь, при школе, и живу. Во все вникаю. Никому не позволяю расслабляться.

Должна быть строгая дисциплина. Надо требовать и не прощать никакого разгильдяйства. Это театр, а не богадельня. Не нравится — уходи. На твое место придет другой. У нас учатся 25 человек. Еще девять — на подготовительном отделении.

— Студенты получают стипендии?

— Нет. Кому-то помогают родители, а те, кому не помогают, могут подрабатывать и сами. Им же дана возможность учиться своему любимому делу, да еще в таких прекрасных условиях, как наша школа! Где в мире это делается бесплатно? Нигде. Откровенно говорю ребятам: стесняться никакой работы нельзя. Зазорно не работать, а просить. Я постоянно получаю письма с просьбой выслать то пять тысяч долларов, то десять: кому-то корову купить, кому-то квартиру, а кому и свадьбу справить, хотим, мол, чтобы все, как у людей, было. Мне кажется, это стыдно. Лучше полы мыть. Наш народ приучили к подачкам, не давая возможности по-настоящему заработать.

— Галина Павловна, у вас поразительная энергия. Что ее питает?

— Творчество. Я ведь с 17 лет на сцене. И другой жизни не знаю. Давно заметила, что в человеке творческом, если он оставляет дело, которому посвятил свою жизнь, происходит резкий слом. Он быстро угасает. Надо действовать. Быть. Работать столько, сколько сможешь. И приносить пользу людям. Отдавать то, что сам получил. Все, что мне дали мои учителя — Вера Николаевна Гарица, Мелик-Пашаев, Покровский, все, что накопила за сценическую жизнь, я хочу успеть отдать русским певцам. Обидно будет унести это с собой.

— Поздравляю еще с одной наградой — Международной премией Джакомо Пуччини за вклад в развитие мирового музыкального искусства и за исполнение партий в операх этого композитора.

— Спасибо. Это награда Фонда семьи Пуччини. Его внучка жива, и она следит за работой этого фонда. Церемония вручения прошла 23 декабря в доме в Торе-дель-Лаго, где композитор жил последние тридцать лет. Церковь разрешила семье похоронить внутри дома капеллу и установить мраморный гроб с телом Пуччини, а над ним покоятся его жена и сын. Стоит старинное пианино с черными колонками, запечатленное на многих фотографиях Пуччини... Мы были там с Ростроповичем.

— А потом отправились в Москву?

— Нет. Сначала отметили всей се-

Г. Вишневская

мьей Рождество в Париже, а вот 26 декабря были уже в Москве. Вслед за нами, на следующий день, прилетели дочери с детьми и один зять. Встречали их на аэродроме. Встретили и поехали, как я думала, сразу на дачу. Нет, говорит мой муж, давай покажем им сначала твою школу, а потом уже и на дачу. Ну ладно. Подъезжаем к школе, а она вся освещена. Что такое? Помещение, наверное, сдали, подумала я. Входим. Меня встречают все ученики и поздравляют. «С чем?» — «С пятидесятилетием!» — «Чего?» — «Вашего первого исполнения на сцене Большого театра партии Татьяны!»... А я и забыла. Сюрприз! Ужасно трогательно. Потом был концерт. Пели Маквала Касрашвили, Бадри Майсурадзе, Нани Брегадзе...

— Чем на этот раз удивил вас муж?

— Ростропович тут же подарил мне часть архива Шаляпина — папку с его письмами и фотографиями... Я изумилась. Он купил ее, как оказалось, за две недели до этого на аукционе «Сотби».

— Читали письма?

— Конечно. Очень интересно. Счастлива держать в руках письма великого русского певца. Не буду таить их, не буду прятать. Я их издам. Русские

люди должны иметь возможность их читать.

— В вашей парижской коллекции уже было что-то шаляпинское?

— Есть вещи Федора Ивановича, приобретенные у членов его семьи. Трость, с которой он изображен на знаменитой картине Кустодиева. Слава купил ее в Нью-Йорке у дочери Шаляпина. Есть красивая, атласная с бархатом длинная лента с дарственной, врученная Федору Ивановичу после премьеры «Псковитянки» в Большом театре. Есть подаренный ему Головиным эскиз «Бориса Годунова», которого он пел в антрепризе у Саввы Мамонтова. Серовский портрет — карандашный рисунок, подаренный Шаляпину самим автором... Вот такие реликвии. Сейчас слушаю записи православного песнопения Федора Ивановича с хором. Кажется, будто вся Россия гудит. Такая мощь! Это потрясающая личность. Когда поет, все в нем гудит, даже кости...

— Показали внукам Москву?

— Конечно. Ходила с ними и в Большой театр. Мы смотрели «Шелкунчика» и «Золотого петушка». Были в соборах и музеях Кремля, Пушкинском музее... Они довольны.

— Кто-нибудь из шести внуков занимается музыкой?

— Ни один. Природа никого не подтолкнула к ней.

— Какое впечатление от Большого театра?

— Слушала за последнее время несколько опер. Петуха не давали, фальшиво не пели. Но в Большом должны быть голоса другого качества. Правда, кризис оперы, а это искусство элитарное, сейчас во всем мире. И причина его не только в отсутствии прекрасных голосов. Снизились требования. Публика стала настолько снисходительна, что плохое пение не становится событием. Размыты критерии. Сотни оперных театров мира наполнены в лучшем случае середняком. И нынешняя Италия — уже не великая оперная держава. Певцы разлетелись по всему миру. Сегодня артист поет, скажем, в Ла Скала, завтра в Ковент-Гарден, а через три дня в Токио... Из машины и — прямо на сцену. Исчезает и романтика, и что-то еще очень важное.

— И все же что, по-вашему, надо сделать в Большом, чтобы там шли спектакли на достойном уровне?

— Закрывать его на полгода. Я бы собрала новую труппу по конкурсной системе, вполнину меньше нынешней. Сорока человек хватило бы

вполне. Взяла бы в репертуар четыре русские оперы и четыре западные. И дала бы всем деньги. Никто бы тогда не уезжал в Европу и никто бы не болел. За спектакль на первых порах давала бы по 2–3 тысячи долларов. В Большой надо приходиться уже мастером...

— Каково ваше ощущение от жизни в России?

— Думаю, идет возрождение народа. Но процесс этот долгий. Нужно время. Не стоит дергать людей ни в одну, ни в другую сторону. Народ сам осознает, что правда есть правда, а не преступление, а ложь есть ложь, а не доблесть. Поймет, что семьдесят — восемьдесят лет минувшего века орден давали часто за ложь, а в тюрьмы сажали за правду. Несколько поколений, к сожалению, выросло с совершенно искаженным сознанием. Многие оскорблены и чувствуют себя несчастными, потому что уверены, что были счастливы тогда, когда жили светлыми идеалами коммунизма. Стали вспоминать, какая, мол, чудесная жизнь была прежде, на курорты ездили... Они не хотят даже знать, сколько русские люди уничтожили русских же в мирное время. Может быть, им стыдно? Надеюсь, что стыдно.

— Наверное, просто удобнее в это не вникать.

— Но как можно сравнивать жизнь тогда и сейчас? За пайку хлеба многие готовы были продать все на свете — и детей, и родителей. А за квартиру?... Я никогда в жизни сама у советской власти ничего не просила. И она мне ничего бесплатно не давала. То, что имею, получала сама, частным образом. И счастлива, что это так. Я хочу сама купить и сама заработать. Важно, чтобы была эта возможность — и заработать, и купить. Это и есть свобода... Вот детей жалко. Беспорядочных много. А откуда они взялись? Их родители выбрасывают на улицу. Это же те люди, которых воспитала советская власть. И избавиться от этого явления общества сможет не скоро. Говорить об этом считаю необходимым: я русская женщина, болею за свою страну, хочу, чтобы Россия была тем, чем может быть...

— А как ваш медицинский фонд помощи больным детям, который вы организовали с Ростроповичем?

— Наш фонд сделал прививки от гепатита уже более чем миллиону детей. В нынешнем году это число достигнет двух миллионов. Кроме того, фонд поставил в Россию много аппаратуры и медицинского оборудования. Денег мы не даем, поскольку хорошо знаем, куда они уходят.

— Мстислав Леопольдович будет преподавать в вашей школе?

— Обещает. Но сейчас он на два месяца летит в Америку, где у него масса выступлений. Я тоже к нему прилечу на две недели... И снова — в Москву, в школу. Нам надо твердо встать на ноги. Мы уже работаем над «Евгением Онегиным» и «Царской невестой».

Беседу вела
Лидия НОВИКОВА
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ